

Портативный Амстердам.

Кусты ракиты раскинулись по всей ширине Дона и Волго-Камской магистрали. Выписывая загадочные круги на полях, на железнодорожной шпале летал печник, не переставая материться. За ним, прищипывая золотом со вставленными изумрудами белоснежного мерина, гордо вышагивал, присвистывая в свои гусарские усы, дедушка Ленин, потрясший мир своими кудряшками пролетарского племени. А в кудрях у Ленина Что? А в кудрях у Ленина устроили засаду Василь Иванович Чапаев с Петькой, разъезжали молоковозы АМО громоздких размеров, развозившие на тленные поля брэнной брани сладкоголосые и краснозобые тачанки, не перестававшие строчить кровавым крылом пулемёта. Даже Моа, Гоа и Бенгальский тигр встали на колени перед Великим Лениным, даже кот Кастро, пёс Хусейнов сын и Усама Бен Ладен сняли свои полномочия, жертвенно сложив чалмы пред ленинскими кудряшками. В конце концов Ленин не выдержал, и, вытащив из-за пазухи коготь дракона Фафнира, произнёс заклятие духов. Печник остановился посреди поля как вкопанный.

«Феликс, взять его!» - прикрикнул Ленин. Феликс – это краснокожая чеширская овчарка, по всем понятным причинам одетая в антишпионский военный мундир в виде кожаной курточки, кожаной кепочки, лаковых чёрных ботиночек, и чёрной же, но менее знаменитой, менее популярной и менее известной чёрно-барашковой папахи с полуночными барабашками цвета выделений волшебных поганок. Феликс взял в длинные и острые зубы охотничье ружьё и выстрелил, угодив точной своей цели – малиновой вороне дислокаций. Ленин погладил печника по мокрым от пота волосам и, внезапно, словно всплыв из глубинных размышлений, произнёс: «Что, голубчик, допрыгался, пень-пендрявый?» Потом Ленин хотел выдрать печнику зуб, однако вовремя вспомнил, что он уже совсем не Пётр I, а аж сам Ленин, а там глядишь – и Сталиным, Хрущёвым, Ельциным, понимаешь, станешь. Поэтому зуб печнику он рвать не стал, а про себя подумал, что всё-таки как глупо, что люди называют Его, церковного и светского совково-советского Главенствующего правителя на Руси, разными именами. А он Один. Иван Грозный, Гришка Отрепьев, Злосчастный Павел, Ленин, Сталин, Горбачёв – только его аватары. «Вот захотел я мир на попу перевернуть, вот и стал из Николая Лениным, захочу с головы на ноги поставить – стану Горбачёвым. Вот так.» Сжав цепкими как орлиные клювики когтями – верными признаками всепоглощающего вампиризма и некромантии, и даже некрофилии с танцами и плясками, Ленин прошептал печнику на ушко ласковым и нежным голоском: «Сделаешь для нас пару дел, о которых тебя попросим, выпустим в свободный полёт, да ещё и книжку про тебя напишем. В качестве бонуса. А не сделаешь, что мы тебе прикажем, - из тачанки расстреляем первого нах, а потом ещё повесим, закопаем,

выроем, вздёрнем на дыбе. Ну и четвертуем напоследок, уж кто бы сомневался!»

- Воистину, товарищ мой, Дон Педро! Воистину говоришь! Воистину это предложение, от которого невозможно отказаться, товарищ наш Дон Педро.

Ничего не сказал Ленин, только обиделся, что его товарищем обозвали. Ленин выступал с трибун собственного мавзолея, высоко взмахивая рукой и крича в свой прокуренный мегафон цвета радуги парасоветского триколора:

«Братья и сёстры, братья наши небесные и братья наши меньшие, инопланетяне и собаки, дамы и господа, леди и джентльмены, лорды и пэры, губернаторы и мэры! - Пуфффф – он выдохнул после столь длительного выступления. Да, пуфффф – это внутрительные звуки Ленина, это не террорист из карабина стреляет, вовсе нет и ещё раз – нет! А Ленин всё продолжал, неустанно размахивая вверх и вниз правой своей рукой:

«Сегодня великий день! - он аж прослезился, а на его кудряшках заиграла радуга, - сегодня великий день, сегодня моему доблестному отряду Абвер-Смерша довелось отловить шпиона-покровителя, пропагандиста античного Римского права родом из Никарагуа. Это чрезвычайно опасный маньяк-рецидивист. Что же мы будем с ним делать? Может быть, расстреляем?

«Уаааыы, -ревела толпа на Красной площади.

«Или в огненного медного быка его, в быка!

«Ааагууу, - орала толпа на Красной площади перед Кремлём.

«Или утопим, а потом разрежем на нежнейшие хрустящие ломтики и корочки, а потом зажарим. Товарищи, ведь пррролетаррриату нужно, воистину говорю, истинно белковое пропитание, а не эта американская соя!

«Ааагааа! - базлала толпа из государственного общежития пролетариата. Но в этот самый момент над Красной площадью перед Кремлём и Мавзолеем зависла, хоть жми «Reset», огромная летающая лепёшка, а на ней с луча спускается сам Иисус Христос собственной персоной. Ну, знаете, гламурный весь такой, пальцы враслопырку, перстни рубиновые, тога малиновая, у новенького ковра – самолёта водила – сам шах Алладин, Яблочко – самокрутко со спутниковой тарелочкой и бесплатным EvDo – Интернетом, от самой фирмы Palm, вестимо, песочно-солнечные часы Tissot и глиняная табличка от Apple впридачу. Похлопывает Христос Ленина по плечу и говорит:

«Ну ты ваще! Ну ваще, отжигашь, браток! Ща, жди, бут у тя хавчик, и бабы, и тачки! А этого чувырла лоханутого, который в клетке сидит, ты выпусти, но не просто так, а вели ему за освобождение Амстердам отстроить. А то моя аватарка Джа не разродится, и будет меня на одного меньше. Вот так!

Отныне по всей Руси красовались лозунги, типа: «Каждому растаману – по Амстердаму, каждой голове – по траве!» Или: «А ты записался в отряд

строителей-курителей без огнетушителей?» Ну и остальные в том же духе. Короче, вы поняли, да? И дело у печника пошло спорно. В том смысле, что не то, чтобы пошло уж очень, но вовсе даже и не так, что можно сказать, что оно бы было и не так, чтобы уж совсем не очень. В том смысле, что каждое утро под окнами удивлённых москвичей появлялся свежестроенный Амстердам, а к вечеру загадочным образом исчезал. А печнику это дело так понравилось, что он даже сделался губернатором и мэром Нью Амстердама, отрастил дреды и исчезать никуда не хотел, как Ленин ни бился, обивая пороги с просьбой печнического исчезновения. А Амстердам всё то появлялся, то исчезал, то появлялся, то исчезал, как шейный пульс в аорте у лимонной акулы. И никто эту тайну разгадать не мог. Не раз уж Ленин отсылал в Новый Амстердам на разведку и отряды СМЕРШ, и отряды КГБ, и ФСБ, и НКВД, и ФБР, и даже Абвера и СС – никто из них ничего вспомнить и рассказать про отстройку и крушение Нью Амстердама к вечеру уже совсем не мог, так как уже к вечеру уже был уже совсем никакой. И только нашёлся доблестный лейтенант ВВС в отставке, прислуживающий и спутникам с их тарелками NASA, и президентам дружественных стран НАТО. На самом деле только он всеми ими правил, а не так, как всем тогда показалось. Так вот, этот доблестный лейтенант Марк Шаттлворт, создатель UBUNTU и инициализатор мирового судебного процесса «VOODOO People», о котором писали тогда все газеты, этот лейтенантишка-жидомассон один-единственный из сотрудников гос. безопасности не курил траву, а потому рассказал в бывшей пыточной камере средневекового Инквизитора, что видел в городе много молодых людей гоп-типа, небритых и бритоголовых служителей охранных предприятий, тела коих имеют свойство весьма часто быть испещрёнными татуировками, а также каких-то волосатых человекообразных обезьян в матросских тельняшках, охотничьих лайковых шапках и лаковых сапожках от Gucci. Тогда Ленин не поверил Марку и решил в город отправиться сам. Среди клубов зелёного дыма, поднимающегося из всех печных труб, Ленин продирался, словно сквозь болото. Дело в том, что в это время года в Амстердаме довольно-таки прохладно, а так как топить печи в домах всё равно нечем, то топят тем, что есть, а именно – произрастающим на засеянных полях раскидистым, словно пальма, каннабисом. Говорят, он велик. С его ветвей свисают бананы, яблоки, груши и кокосы. Иногда и Мичурины встречаются. Вверх тормашками только. Среди клубов зелёного дыма продирался по улицам, переулкам, горам, долам, полям, цветам и телам дедушка Ленин к печнику, выглядя при этом примерно так: чёрный дедушка в темноте светит фарами красных глаз, открыл рот, растопырив в обе стороны руки и роскошные усы Котовасия. А тут из тьмы как печник выплывает и говорит замогильным голосом, грустно наигрывая на арфе что-то из Гребенщикова:

« Дедушка Ленин, а я не печник уже, а четырнадцатый Апостол Мохаммед, пришёл, чтобы привести процветание и мир во всём мире! -

сказав это, печник схватил кошку за полосатый тигровый хвост и, привязав к нему лестницу, закинул стальные крючья кошки аж за уступ Фудзиямы. И воздвигнул лестницу на седьмое небо. И пошёл туда, повернувшись к Ленину спиной. Так вот нагло. Тут Ленин пригляделся и увидел, что это не печник вовсе, а Михаил Булгаков, шагающий в небо в ночных мечтаниях Понтия Пилата. Достав из кармана фирменный Siemens A35, тот тихо шептал заковыристое заклинание: «Сим, сим – откройся!», позволяющее вытащить надоевшую SIM-карту. А из распахнутой пасти мобильного вылезли на платформу, нарисованную Джованни Вероччио, отряд студентов, зеков и гастробайтеров. И сразу стало ясно, как Ной отстроил свой ковчег, а печник – Нео Амстердам. И как убирал его каждую ночь – тоже. Дабы не ходили всякие растаманы и не просили портировать Амстердам на их платформу, ну чисто по плану, ну чисто как в советском лозунге было написано. О чём писал раньше. Но это была только присказка, а сказку читайте в остросюжетном экшн-триллере «Ленин и печник 2024!»